

Thought /Ed. by D.Greneway, M. Bleaney, J. Stewart. – L., N.Y., 1987.

12. Артемова Т.И. Институт экономической власти в контексте взаимосвязи с отношениями собственности и стоимости // Научные труды Дон НТУ, Серия: экономическая. Выпуск 103-3 – Донецк, Дон НТУ, 2006. – С.58-61.

13. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: В 2-х тт. // Пер. с англ. – Т.1. – М.: Республика, 1992.

14. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика / Пер. с англ. – М.: ЛБЗ, 2000.

15. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979.

16. Хруцкий В.Е. Реферат статьи Питера Друкера "Труд и управление в современном мире" и послесловие к нему // Российский экономический журнал. – 1993. – №5. – С.67-75.

17. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. – Boston: Houghton Mifflin, 1973.

18. Becker G.S. A Treatise on the Family. – Cambridge (MA), 1981.

19. Корнай Я. Дефицит / Пер. с венгерск. – М.: Наука, 1990.

20. Бэктон К. Правительственный план достижения гендерного равенства в Канаде // США-Канада: ЭПК. – 2008. – №3. – С.89-96.

21. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003.

22. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. – М.: АСТ, Люкс, 2004.

23. Аксьонова С. Форми зайнятості жінок і материнство // Україна: аспекти праці. – 2007. – №6. – С.3-8.

Статья поступила в редакцию 14.05.2008

С.Ю. ДЕФОРЖ, к. э. н., доцент,

А. Н. КЛОЧКО, к. п. н.,

Харьковский национальный университет внутренних дел

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Полтора десятилетия системной трансформации в 28-ми постсоциалистических странах позволили выработать определенное согласие в научных кругах и отечественном политикуме по поводу приоритетного фактора общественной эволюции – институциональных рамок развития. Последовательная разработка и приложение данного фактора в эволюционную теорию стали возможны с внедрением в экономический анализ категорий трансакционных и трансформационных издержек, которое осуществил основоположник неинституционализма Р. Коуз в рубажной для науки статье «Природа фирмы» (1937 г., спустя 54 года отмеченной Нобелевский премией) [1, с. 33-111] В Нобелевской лекции (1991 г.) Коуз подчеркивал: «Ценность внедрения... институциональных факторов становится особенно явной в свете недавних событий в Восточной Европе. Бывшим коммунистическим странам советуют перейти к рыночной экономике, и того же желают их лидеры, но никакая мало-мальски осмысленная рыночная экономика невозможна без соответствующих институтов» [1, с. 342-343].

Институциональные рамки (система

формальных и неформальных правил, норм, традиций поведения индивидуумов и организаций) определяют характер институциональной среды данного социума, содействуя или препятствуя рациональному выбору и реализации стимулов к продуктивному труду, заложенных в homo economicus. Экономический прогресс или стагнация хозяйственных систем прямо зависят от доминирующей институциональной системы: институты, прежде всего формальные ограничения (акты государственного регулирования, законы, структура налогов и др.), создают такую систему стимулов, которая поощряет или тормозит продуктивную деятельность.

Согласно последним исследованиям экспертов Мирового банка, существующий тип институциональной системы оказывает прямое влияние на экономический потенциал страны. В Докладе Мирового банка за 2003 г., где проблемам институционализации, в т.ч. в условиях системной трансформации, посвящен целый раздел (Chapter 3. Institutions for Sustainable Development), констатируется: только за счет

© С.Ю. Дефорж, А. Н. Клочко, 2008

эффективной защиты института частной собственности и института конкуренции можно получить ежегодный прирост реального ВВП на 2 %. И наоборот, в шести переходных государствах (Россия, Украина, Молдова, Киргизия и др.), где в 90-е гг. уровень защиты прав собственности был самым низким, падение ВВП оказалось самым большим - на 40 % и более. Налицо прямая корреляция между уровнем развития институтов и экономическим развитием страны [2, р. 42].

К сожалению, процесс институционального строительства в переходных государствах тормозится нерешенностью многих теоретических проблем. Дискуссионными остаются фундаментальные категории современного институционализма – «институт», «институциональная система общества», спонтанность или сознательный характер преобразований и т.д. Очевидно, что такая неопределенность является серьезным препятствием для выработки оптимальной экономической политики переходного государства, которая должна быть направлена на выделение и строительство наиболее значимых институтов социальной рыночной экономики.

Целью данной статьи является дальнейший анализ институционального фактора общественной эволюции, направленный на определение приоритетного вектора преобразований в период системной трансформации. Методологической основой работы являются теоретические разработки представителей современного институционализма: Дж. Бьюкенена, Д. Норта, Т. Эггертсона, С. Архиевеева, А. Гриценко, В. Дементьева, Р. Нуреева, А. Олейника, В. Полтеровича и др. Целевая установка исследования находится в общем русле научного поиска, начатого нами в предшествующих работах: определение путей и форм институционального строительства в экономической политике переходного государства [см. 3, с. 48-55; 4, с. 67-99 и др.].

Теоретической основой институционального строительства выступает теория трансакционных издержек. Согласно Т. Эггертсону, основными составляющими трансакционных издержек являются:

- ✓ поиск информации о товаре или услуге, поиск партнера в сделке, сбор информации о нем;
- ✓ процедура торга, подготовки и подписания контракта;
- ✓ контроль партнера в процессе выполнения контракта, принуждение к выполнению контракта;

- ✓ оплата и оформление контракта в процессе его реализации;
- ✓ защита контракта от третьих лиц (в т.ч. даже от налоговых органов, если контракт нелегален) [5, с. 29-30].

Трансакционные издержки включают все издержки, связанные с обменом и защитой правомочий. Для оценки трансакционных издержек на макроэкономическом уровне Дж. Уоллис и Д. Норт предложили использовать понятие трансакционного сектора. В него включаются оптовая и розничная торговля, страхование, банковский сектор, операции с недвижимостью, затраты на аппарат управления в других отраслях, на судебную и правоохранительную систему (государственный трансакционный сектор). Согласно расчетам указанных авторов, доля транс секционного сектора в США возросла с 26 % ВВП в 1870 г. до 55 % ВВП в 1970 г. (хотя трансакционные издержки на единицу национального продукта сократились, в частности, из-за роста производственных ресурсов) [См. 5, с. 31-32].

Слабость институциональной системы в переходных государствах и, прежде всего, отсутствие институциональных гарантий стабильного обмена поднимает трансакционные издержки на запредельную высоту. Несовершенство методологии расчета трансакционных издержек заставляет использовать косвенные примеры: так, затраты государства на судебную и правоохранительную деятельность составляли 13,9 % ВВП в США (1970 г.) и только 1,6 % ВВП в России (1997 г.) [6, с. 143]. Основную часть трансакционных издержек несут у нас сами экономические агенты: известный пример деятельности «крыш», которые, с одной стороны, защищают частные контракты, а с другой – «перераспределяют» в свою пользу часть предпринимательских доходов, что подрывает возможность реализации потенциала экономической системы в целом.

Таким образом, трансакционные издержки выступают важнейшей детерминантой институционального строительства. Чем менее совершенен рынок, тем выше трансакционные издержки его участников. Институты формируются в тех случаях, когда рыночные решения либо недостижимы, либо неэффективны; институты выступают как фактор дополнения рынка там, где его функционирование осложняется асимметрией и неполнотой информации, ограниченным числом участников, рисками, побочными эффектами и т.д. При этом величина трансакционных издержек показывает не только степень несовершенства рынков,

но и количественно выражает издержки отсутствия института. Например, отсутствие развитых институтов арбитража ведет к росту издержек по исполнению контрактов, требует от контрагентов дополнительных издержек на страхование и гарантии. Трансакционные издержки формируют общественный спрос на институты: чем выше трансакционные издержки, тем выше спрос на институциональное регулирование, и наоборот. Отсюда можно вывести общее условие возникновения новых институтов – критерий необходимости институционализации транзитивной экономики: общественные затраты по созданию и функционированию института должны быть меньше затрат, возникающих при его отсутствии.

Применяя методы неоклассического анализа в исследовании процесса институционального строительства, С. Малахов предпринял перспективную, на наш взгляд, попытку создания равновесной модели «рынка» институтов [7, с. 115-117]. «Игроками» простейшей модели рынка институтов выступают хозяйствующие субъекты, которые предъявляют спрос

на институты (правила, нормы, регулирующие и унифицирующие обмен) и государственная бюрократия, которая удовлетворяет спрос путем создания необходимых институтов. Издержки отсутствия институтов, выраженные в форме возникающих трансакционных издержек – TC (transactions costs), формируют спрос на институты. Издержки по созданию и обеспечению дееспособности институтов предлагается определять как издержки коллективного действия – SAC (collective action costs). (В. Полтерович называет их издержками институциональной трансформации или трансформационными издержками) [8, с. 6].

Издержки коллективного действия (SAC) формируют предложение институтов. Равновесие на рынке институтов возникает тогда, когда предельные издержки по их созданию (SAC) равны предельной полезности самих институтов, которая выражается через их альтернативную стоимость (opportunity cost) в форме трансакционных издержек отсутствия институтов (рис.1):

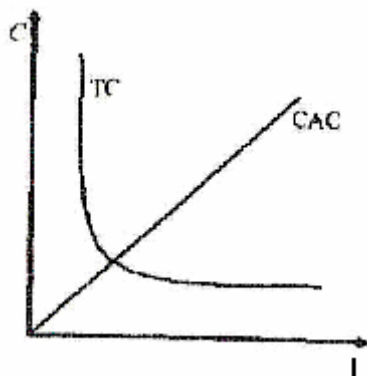

Рис. 1. Простая модель равновесия трансакционных издержек и издержек коллективного действия в условиях централизованной институционализации рыночной экономики («сверху»)

Данная модель позволяет расширить анализ общих принципов возникновения институтов в рыночной экономике. Если для выражения степени совершенства рынка взять в качестве переменной степень институционализации экономики (некое количество институтов), то функция величины трансакционных издержек (TC) будет убывающей. И наоборот – функция величины издержек коллективного действия (SAC) будет возрастающей в зависимости от количества создаваемых институтов (I). Модель наглядно демонстрирует; чем выше степень институционализации экономики, тем ниже трансакционные издержки хозяйствую-

щих субъектов. Историческим примером снижения трансакционных издержек путем повышения степени институционализации экономики (а значит – роста издержек коллективного действия) может служить создание торговых союзов купцов эпохи раннего капитализма (торговые компании, ганзы уменьшали издержки рискованных операций с колониями).

Усложним модель, приблизив к реалиям институционального строительства. В создании институтов участвуют не только государственная бюрократия, но и сами хозяйствующие субъекты (институционализация «снизу»). При этом экономические агенты (субъекты)

несут оба типа издержек – транзакционные издержки (ТС), выражающие несовершенство рынков, и издержки коллективного действия (САС) по созданию институтов, минимизирующих транзакционные издержки, которые не устраняются полностью коллективным действием. Экономические субъекты будут участвовать (вместе с бюрократией) в создании и функционировании институтов до тех пор, пока предельные коллективные издержки не превысят противостоящие им транзакционные издержки. В данной модели в качестве переменной выступает число участников коллективного действия (институционализации) – «n». От задачи достижения равновесия спроса и предложения институтов мы переходим здесь к задаче минимизации совокупных институциональных затрат – АІС (aggregate institutional costs) хозяйственных субъектов, участвующих в создании институтов. Они включают в себя и транзакционные издержки, и издержки коллективного действия.

Реалии рыночной системы (в т.ч. переходного периода) предоставляют много примеров объединения усилий экономических агентов, которые включаются в процесс институционализации, поскольку объективно испытывают трудности, порождаемые несовершенством рынка из-за отсутствия соответствующих институтов. Например, это ассоциации участников фондового рынка с целью минимизации издержек купли-продажи ценных бумаг; ассоциации потребителей и т.д.

Дальнейший анализ процесса институционализации еще более усложняется, поскольку необходимо учитывать чрезвычайно острую для рыночной системы вообще, а для переходной экономики в особенности, проблему фрирайдерства (проблему безбилетника). Любое коллективное действие порождает возможность уклонения его членов от участия в коллективных затратах. Отсюда возникают особые издержки фрирайдерства (free-rider-costs-FRC). Чем больше общность, тем больше вероятность уклонения ее отдельных членов от участия в коллективных затратах, поскольку участие в коллективных доходах обеспечивается самой общностью. Поэтому издержки фрирайдерства (FRC) могут быть измерены через альтернативные им издержки по поддержанию дисциплины (законопослушания) в обществе. Рациональные субъекты хозяйствования стремятся к участию в дележе доходов от институционализации «сверху» (государственного регулирования) и уклоняться от несения индивидуальных издержек, требуемых

данным регулированием. Нарушая законы и не платя налоги, экономические субъекты будут требовать соблюдения правил от других, т.е. фрирайдеры эксплуатируют законопослушных субъектов. В результате сумма издержек коллективного действия и издержек фрирайдерства составит:

$$CAC1 = CAC0 + FRC,$$

а совокупные институциональные издержки общества возрастают:

$$AIC1 > AIC0$$

Хрестоматийный анализ «проблемы безбилетника» и связанной с ней «дилеммы заключенного» дается Т. Эггертсоном [5, с. 81-83]). На рис. 2 представлена модель совокупных институциональных издержек общества с учетом фрирайдерства.

Рассмотрим зависимость совокупных институциональных издержек АІС от их числа n. АІС состоят из затрат, убывающих по мере возрастания числа участников института (транзакционных издержек ТС, которые уменьшаются благодаря снижению риска и неопределенности в ходе институционализации) и затрат, возрастающих вместе с числом участников института (издержки коллективного действия САС, которые растут из-за увеличения издержек фрирайдерства FRC).

Чтобы избежать фрирайдерства, члены института несут издержки по поддержанию системы контроля и ответственности за нарушение правил коллективного действия (АІС):

$$AIC = n(CAC + FRC) + \frac{TC}{n}$$

Считая АІС, (САС+FRC), ТС постоянными величинами (const), дифференцируем уравнение по n и получаем:

$$0 = CAC + FRC - \frac{TC}{n^2};$$

$$CAC + FRC = \frac{TC}{n^2};$$

$$n^2 (CAC + FRC) = TC;$$

$$n^2 = \frac{TC}{CAC + FRC}, \text{ откуда}$$

$$n = \frac{\sqrt{TC}}{\sqrt{CAC + FRC}}, \text{ следовательно}$$

$$AIC_{\min} \Big|_{n=n_0} = \frac{\sqrt{TC}}{\sqrt{CAC + FRC}}$$

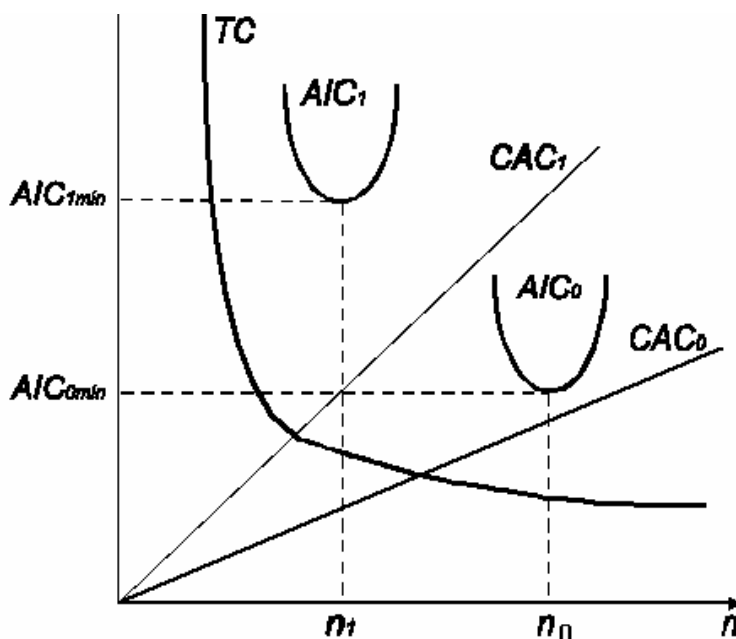

Рис. 2. Модель институционализации рыночной экономики с учетом издержек фрирайдерства.

Разработано на базе: [7, с. 115-117 и авторами]

Из этого выражения очевидно, что если степень несовершенства рынка задана через $TC = \text{const}$, то минимум совокупных институциональных издержек АИС для больших значений числа участников института n достигается при крайне малых значениях $(CAC + FRC)$. Для общности в форме государства издержки коллективного действия выступают в форме налогов. Отсюда вытекает, что минимальные совокупные институциональные издержки государственного регулирования обеспечиваются при невысоких ставках налогов. И наоборот, чем выше ставки налогов – тем больше совокупные институциональные издержки государственного регулирования.

Отметим, что государственная политика институционализации должна быть чрезвычайно тонкой и взвешенной: например, снижая трансакционные издержки TC данного рынка путем госрегулирувания (т.е. путем подмены издержек независимого коллективного действия), государство способствует росту издержек фрирайдерства (что и проявляется в массовом уклонении от уплаты налогов). Причем чем больше общность участников данного института (ареал его охвата), тем выше совместные общественные издержки коллективного действия по содержанию и поддержанию института, и тем выше вероятность риска отторжения или манкирования данными правилами (нормами). Р. Нуреев в связи с этим предупреждает:

«...трансакционные издержки (под которыми понимаются трансформационные издержки институционализации – авт.) резко возрастают по мере роста общности закона. Внесение поправки в конституцию предполагает гораздо более высокие трансакционные издержки, чем принятие нового закона. А трансакционные издержки от принятия нового закона гораздо выше, чем от принятия конкретного распоряжения или приказа» [9, с. 119]. Так, примером крайне негативных последствий непродуманной институционализации «сверху» стала попытка импорта в неподготовленную институциональную среду переходной экономики Украины начала 90-х гг. одного из наиболее важных и успешных институтов социального рыночного хозяйства – дифференцированного налогообложения.

Данный институт является важным, неотъемлемым элементом практически во всех успешных моделях социальной рыночной экономики. В Украине трансплантация института началась с принятия ВР Закона «О подоходном налоге с граждан Украины, иностранных граждан и лиц без гражданства» от 5 июля 1991 г. (№1307-XII) [10, ст. 569]. Согласно статье 8 Закона, было введено четыре ставки подоходного налога:

– при размере месячного дохода от 186 до 1500 крб. сумма налога составляла 12 % от суммы, которая превышала 185 крб.

– при доходе от 1501 до 2000 крб. – налог в 157 крб. 80 коп. + 15 % от суммы, которая превышала 1500 крб.;

– при доходе от 2001 до 3000 крб. – налог составлял 232 крб. 80 коп. + 20 % из суммы, превышавшей 2000 крб.;

– при доходе от 3001 крб. и выше – налог 432 крб. 80 коп. + 30 % из суммы, превышающей 3000 крб.

Для творческих работников и изобретателей Закон устанавливал 11 (!) ставок подоходного налога – от 2 % (при доходе до 120 крб.) до 5193 крб. 60 коп + 30 % с суммы, превышавшей 30000 крб. с годового дохода от 36 тыс. крб. и выше (статья 17).

В то же время, материальные условия для реализации института (инфраструктура, кадры и т.д.) еще отсутствовали: необходимая сеть налоговых инспекций еще только создавалась, информация о налогоплательщиках практически отсутствовала, институт налоговой полиции не был предусмотрен вовсе. Сама мысль о том, что гражданин должен добровольно отдать часть дохода государству, противоречила устоявшимся социокультурным стереотипам общества, а механизм учета собственных доходов и заполнения деклараций оказался чрезмерно сложным даже для бизнес-элиты. В результате попытка внедрения института прогрессивного налогообложения провалилась, что стало одной из главных причин бурного развития теневой экономики.

Сложная многоуровневая шкала была отменена – Закон Украины «О налоге с доходов с физических лиц» (№889 – IV, ст. 22, п. 3, от 22 мая 2003 г.) установил, что с 1 января 2004 г. устанавливается единая ставка на уровне 13 процентов от объекта налогообложения [11, с. 1077-1113]. Для большинства населения это означало полную отмену налоговых деклараций.

С. Малахов, анализируя ошибки постсоциалистического институционального строительства, вообще предлагает резко ограничить институциональные инициативы государства: «Хозяйствующие субъекты (в РФ – С.Д., А.К.) отчуждены от процесса институционального регулирования. В итоге, какой бы горькой ни была такая ирония, приходится признать, что мы строим общество по Марксу в его понимании азиатского способа производства. Провозглашаемая частная собственность становится все более обусловленной государственными институтами» [7, с. 121-122].

Проведенный анализ приводит к следующим выводам. Под институционализацией

мы понимаем 'закрепление статуса института за определенными общественными явлениями или формами. При этом критерием институционального проектирования, как обоснованно предполагает В. Тамбовцев [14, с. 87], выступает соответствие внедряемого института конечным целям реформирования и минимизация транзакционных издержек в результате внедрения данного варианта.

Таким образом, синтезирование методов неоклассического анализа и современного институционализма (теории транзакционных издержек) позволяет строить и развивать различные модели рынка институтов, что должно стать фундаментом институционального проектирования. Дальнейшее исследование институционального фактора системной эволюции в конкретной исторической перспективе выступает основой выработки оптимальной экономической стратегии переходного государства.

Доминирующий вектор рыночного реформирования, определенный в концептуальном государственном документе «Стратегия экономического и социального развития Украины (2004 – 2015 годы)», – это реализация курса на «трансформацию институциональной системы нашего государства в институты европейского образца, утверждение европейских стандартов социально-экономического и политического развития соответствующего уровня и качества жизни населения» [15, с.10].

Литература

1. Коуз Р. Природа фирмы / В кн. Природа фирмы – М., Дело, 2001. – 360с.
2. Institutions for Sustainable Development/In: World Development Report 2003. Overview. Chapter 3. – Pp. 37-58 // [http // econ.worldbank. org/Files/ 17952_ WDR_2003_ chp3_ web.pdf](http://econ.worldbank.org/Files/17952_WDR_2003_chp3_web.pdf)
3. Бережной В.М., Дефорж С.Ю. Институциональная система переходного общества: вопросы теории и практики // Наукові праці Донецького національного університету. Серія: економічна. Випуск 70. – Донецьк, ДонНТУ, 2004, – 244с.
4. Дефорж С. Ю., Дмитриев И.А., Ким М. Н. Формирование социального рыночного хозяйства: институциональный аспект: Монография. – Харьков: Издательство ХНАДУ, 2007. – 160 с.
5. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001. – 408с.
6. Олейник А. Институциональная экономика. – М: ИНФРА-М, 2001. – 416с.

7. Малахов С. В защиту либерализма (к вопросу о равновесии трансакционных издержек и издержек коллективного действия) // Вопросы экономики. – 1998. – №8. – С.114-123.
8. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – №3. – С. 24-50 // <http://tsl.cemi.rssi.ru/ecr/2001/3/docl.htm>
9. Нуреев Р. Теория общественного выбора. Конституционная экономика // Вопросы экономики. – 2003. – №7 – С. 110-127.
10. Закон України. Про прибутковий податок з громадян України, іноземних громадян та осіб без громадянства // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – №43. – Ст. 569.
11. Закон України. Про податок з доходів фізичних осіб // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – №37. – С. 308.
12. Линдбек А. Шведский эксперимент // В кн. Очерки о мировой экономике. – М.: Гендальф, 2002. – С. 69-144.
13. Das Reformpaket Agenda 2010// Deutschland. – 2004. – №1. – S. 6-15.
14. Тамбовцев В. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. – 1997. – №3. – С.82-94.
15. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004 – 2015 роки). Шляхом європейської інтеграції. – К.: УВЦ Держкомстату України, 2004. – 416с.

Статья поступила в редакцию 14.05.2008

Л.И. ЛЯШЕНКО,

Донецкий национальный технический университет

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Исследование хозяйственной этики как фактора эффективности экономики является одной из актуальных проблем практики современного хозяйствования. В настоящее время в Украине широкое распространение получили нарушения хозяйствующими субъектами правовых норм и этических правил экономического поведения. В этих условиях система государственного регулирования нуждается в адекватной институциональной поддержке, ориентированной на повышение этичности в экономических отношениях.

В экономической теории проблемы взаимосвязи хозяйства и экономики являются предметом научного анализа «Исторической школы» политэкономии и институционального направления. Само понятие «хозяйственная этика» появляется в работах представителей «Исторической школы». В.Зомбарт в качестве основополагающего фактора, определяющего строй и ход хозяйственной жизни, считал «хозяйственный дух» как «совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование» [1, с.6]. У М.Вебера, другого представителя этой научной школы, «хозяйственная этика или «дух» капитализма – это специфическое западное рациональное ведение хозяйства, которое является производной от религиозных устоев [2]. Для С.Булгакова хозяйственная этика является неотъемлемой частью политэкономии как философия науки, без которой сама

наука, по мнению ученого, превращается лишь в сумму эмпирических знаний. Диалектика хозяйствования, по мнению С.Булгакова, должна включать как позитивный анализ, так и нормативный, преломленный сквозь этические ценности, которыми занимается хозяйственная этика. Суть ее в том, что она «... есть не фикция, не образ, но историческая реальность...» [3, с. 233].

Вторым, после «Исторической школы», течением мировой экономической мысли, которое активно обратилось к этическим детерминантам хозяйственной жизни, стал институционализм. С позиций институционализма человек не может быть отвлеченным от системы предпочтений, которая формируется внутри человека. Это – система ценностей, целевых установок, стереотипов поведения, обусловленных культурологическими, психологическими, религиозными и другими факторами, так или иначе влияющих на выбор человека в экономике. Основатель институционализма Т.Веблен рассматривал становление института собственности и стандартов потребления не как экономические, а как культурные процессы во взаимосвязи с мотивацией потребительской и производственной деятельности, обычаями и заведенным порядком [4]. Практически все последователи Т.Веблена, исследуя экономиче-

© Л.И. Ляшенко, 2008